

© 1999 г.

О.А. КОЛОБОВ, А.С. МАКАРЫЧЕВ

РОССИЙСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ В СВЕТЕ
ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

КОЛОБОВ Олег Алексеевич - доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Нижегородского государственного университета. МАКАРЫЧЕВ Андрей Станиславович - кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений того же вуза.

Проблемы, связанные с региональной политикой государства, в последние годы занимают особое место в российском общественно-политическом дискурсе. Пытаясь создать сбалансированные федеративные отношения и обеспечить демократизм в условиях децентрализации властных полномочий, думается, при всей специфике России чрезвычайно важно принимать во внимание богатый - концептуально и практически - зарубежный опыт регионализма и федерализма. Обратимся к нему.

Регионализм и федерализм

Регионализм играет огромную роль в построении федеративной государственности. Федерализм же по своей сути служит тем политическим инструментом, который призван защищать интересы меньшинств, организованных в виде субнациональных единиц. И тот и другой признают существование внутренней социально-культурной разнородности в стране, которую поддерживают с помощью соответствующих политических институтов. В федерализме заключен некий организационно-политический ответ на плюралистический характер общества, облегчающий защиту интересов групповых структур.

Россия, одна из наиболее полиэтнических стран мира, при определении своей модели федерализма должна учитывать возможности его пересечения с другими формами рассредоточения власти. Это могут быть ассоциированные взаимосвязи (как между США и Пуэрто-Рико, Италией и Сан-Марино, Португалией и Азорскими островами), кондоминиумы (Андорра), регионы с особым статусом, конфедерации. Полагаем, при решении проблемы Чечни или урегулировании спорных вопросов с другими регионами допустимо выбрать гибкую, даже асимметричную модель децентрализации управления, сочетающую в себе различные организационные принципы.

Какие обстоятельства затрудняют процесс "кристаллизации" федеративных отношений в России? Прежде всего - слабое развитие соответствующей политической культуры, ставшее следствием коммунистического правления, недостаточное структурирование гражданских институтов (к примеру, политические партии явно не выполняют свою "стягивающую", "цементирующую" функцию, столь важную в едином федеративном государстве), отсутствие четких территориальных границ расселения этнических групп, что часто провоцирует вспышки этнонационализма.

Дискуссии вокруг того, в какой мере географические факторы влияют на восхождение демократии, ведутся давно. Как пишет один известный специалист, "настоящая проблема нашего времени - не материальная, а пространственная. Это проблема масштабов, пропорций и размеров... Единственный способ решить ее - сделать так, чтобы человек вновь смог восстановить контроль за пропорциями социума, в котором он живет" [1].

Многие западные авторы настойчиво обращаются к анализу тех трудностей, которые может принести с собой глубокая регионализация. Она отнюдь не синонимична демократизации, если предполагает использование насилия и принуждения. Более того, территориальное обособление той или иной этнической группы, как показывает жизнь, способно привести к созданию жесткого и недемократического режима. Исследователи отмечают и возможность паразитирования организованной преступности на регионализации (примеры Сицилии и Чечни кажутся нам достаточно убедительными).

Таким образом, регионализация не должна трактоваться как универсальное противоядие от злоупотреблений и издержек. Полнота прав и свобод ею не гарантируется этническим меньшинствам ни на центральном, ни на региональном уровнях. Для правительств регионализация - не цель, а средство. То, что при одном режиме можно достигнуть с помощью централизации, при другом - реально обеспечить посредством регионализации.

Важно также отметить, что простая "декомпозиция" властных полномочий, часть которых перекадывается на плечи региональных властей, не решает проблему соблюдения индивидуальных и групповых прав. Однако встречается полезное разделение между "местной властью" и "местными сообществами". Эффективность и функциональность последних определяется духом согласия, царящим в них, добровольностью самого принципа ассоциации, общими ценностями и естественностью внутренних связей. "Сообщества" в этом смысле остались у нас лишь на Кавказе и в местах расселения казаков.

В чем же состоят преимущества регионализации с позиции внутривластного развития России? Во-первых, децентрализация власти расширяет возможности для экспериментирования. Это - важный аспект общественного реформирования. Цена ошибок проектов, осуществляемых в рамках относительно ограниченной территории, заметно ниже, чем в масштабах огромной страны. Во-вторых, существенный объем полномочий, возлагаемый на регионы, позволяет им дистанцироваться от федеральных властей в тех случаях, когда их влияние несет с собой потенциальные проблемы.

Сквозь призму современных концепций демократии

Концепция открытого общества является определенной моделью, описывающей то его состояние, которое на бытовом уровне принято называть демократией. Эту открытость правомерно понимать по крайней мере в двух измерениях: как внешнюю (восприимчивость к идеям и новациям, идущим извне, готовность к целенаправленному и сознательному взаимодействию с внешними факторами) и как внутреннюю (постоянный диалог, непрерывное идейное взаимообогащение составных частей политической системы и ее уровней). Обычно эти два аспекта тесно переплетены друг с другом. С точки зрения внешней открытости, регионализирующееся государство в гораздо большей мере, чем унитарное, подвержено международному воздействию и влиянию. Внутренняя же открытость при регионализации означает появление территориальных "центров тяжести", отличных от федерального центра, практику межрегионального сотрудничества и другие формы кооперации по горизонтали [2].

В современных исследованиях на Западе наблюдается стремление проанализировать сущность феномена демократизации и через иные категории. Этому, в частности, посвящены, во многом соотносящиеся с нашей темой, следующие концепции:

- "теория обмена", рассматривающая демократию как свободную циркуляцию информации и идей в обществе, а также такие отношения между участниками политического процесса, которые базируются на принципе взаимной выгоды, предусматривающей обмен благами. Другими словами, человек участвует в деятельности

той или иной политической партии или идет голосовать на выборы, поскольку уверен, что не обманется в своих ожиданиях получить некое "вознаграждение" или компенсацию за свои усилия;

— "теория рационального выбора", опирающаяся на понятие целесообразной максимизации, т.е. поиска гражданами самых эффективных способов достижения собственных интересов, чаще всего - посредством создания узла социальных связей и групповых действий [3]. Такой подход часто противопоставляет "рациональное" в человеческом поведении "традиционному", соединенному с ритуальной стороной жизни, мифотворчеством, религиозным преклонением, этнической или клановой идентификацией;

— "теория групп", исходящая из того, что люди выражают бесчисленное количество групповых интересов, которые взаимно пересекаются. Существование этого множества не только неизбежно, но и очень важно для демократии. Демократическая политика, следовательно, выступает результатом либо взаимных контактов и соглашений, либо коллизий и столкновений между организованными групповыми интересами. Противостояние, если оно происходит, трактуется как средство избежать навязывания гражданскому обществу воли правящей элиты. (Не случайно в нынешний лексикон вошло понятие "конкурентная демократия".) Эта версия, несмотря на декларируемую демократичность, содержит в себе изрядную долю элитарности, ибо фактически сводит политический процесс к механике взаимодействия между различными элитными группировками, практически игнорируя наличие интегрирующего общественного интереса и представляя их лидеров в качестве "брокеров" или "политических предпринимателей";

— "теория общественного капитала", объясняющая демократию как систему, которая наряду с политическим участием предполагает интенсивное и тесное взаимодействие по горизонтали между всевозможными общественными структурами. Чем теснее социальные обязательства, тем вероятнее появление норм, вытекающих из взаимного сотрудничества и доверия [4]. Понятно, что конвертируется "общественный капитал" прежде всего на низовом, местном или региональном уровне, поскольку именно там поведение социальных групп наиболее "прозрачно" и в большей мере связано с реальными потребностями людей;

— "теория полиархии", классифицирующая формы государственного устройства в зависимости от двух параметров: степени участия граждан в политическом процессе и степени открытости самой элиты. Выделяют в этой связи такие типы, как "закрытая гегемония", "открытая гегемония", "конкурентная олигархия" (близкая к современному уровню развития демократии в США и странах Западной Европы) и, наконец, "полиархия", понимаемая как некая идеальная модель, к которой нужно стремиться.

В этом ряду свое место занимает "теория открытого общества" К. Поппера. Ныне она получила массу интерпретаций и трактовок. Так, экономисты часто используют термин "открытый регионализм", понимая под ним модель организации торгово-финансовых отношений, сочетающую в себе как соблюдение глобальных соглашений, так и поощрение практики договоренностей, достигнутых на региональном уровне [5]. А международниками введен в оборот термин "открытая республика", который подразумевает принятие принципа "равного гражданства" для всего населения, признание толерантности и уважения региональных различий, но в то же время интеграции всевозможных этнических, расовых, религиозных и культурных общностей, проживающих на территории республики, в одну нацию [6]. Этот тезис немало созвучен идее "открытых достижений", согласно которой модернизация, индустриализация, урбанизация, информатизация, рост уровня образования и интенсивности коммуникаций приводят к постепенной ассимиляции этнокультурных групп, другими словами - к стиранию их особенностей. Сия посылка вполне соответствует весьма популярным среди либеральных мыслителей рассуждениям о том, что современный мир под воздействием экономического и научно-технологического прогресса становится все более однородным, в результате чего терри-

ториально-географические факторы теряют свое значение. В качестве аргументов обращаются к примерам наднациональной интеграции. Концепции "конца идеологии" (С. Липсет) и "конца истории" (Ф. Фукуяма) отталкиваются от аналогичных суждений.

По нашему мнению, не во всем стоит солидаризироваться с позициями, изложенными в приведенных доктринах. Нам видится, что нынешняя общественная модернизация в мире идет параллельно становлению новых форм этнокультурного плюрализма. И объяснять эти формы, исходя, скажем, лишь из концепции "рационализации" или "обмена достижениями", не всегда возможно. Не оттого ли столь широкое распространение сегодня получило понятие "этноклассы", предполагающее структурное разделение труда между различными религиозно-культурными и этническими группами [7]. В большинстве развитых стран (США, Франции, Нидерландах и др.) многие этногруппы живут изолированно и с трудом интегрируются в существующую систему общественных взаимосвязей.

Для объяснения отношений, сложившихся здесь между центром и периферией, американский профессор М. Хектер выдвинул концепцию "внутреннего колониализма", соответственно которой пространственно неравномерные волны индустриализации усиливают маргинальность периферийных или провинциальных территорий. Однако он считает, что нужно делать различие между двумя проявлениями регионализма. Первое именуется "функциональным секционализмом", означая региональную политическую активность, ставшую следствием особых социально-экономических условий того или иного района (специфическая сырьевая или промышленная специализация, отличная от других регионов структура рабочей силы). Второе, по терминологии Хектера "периферийный секционализм", предполагает региональную политизацию на основе культурной самобытности или этнорелигиозной "самости" [8].

Сказанное выше позволяет поставить вопрос о том, что модель "открытого общества", реализуемая в той или иной форме в западных странах, зачастую оказывается весьма уязвимой перед лицом этнополитических проявлений регионализма. Квебек, Страна басков, Северная Ирландия, фламандско-валлонские противоречия, североитальянские политические амбиции заставляют задуматься над причинами такой уязвимости.

На некоторые из них, имеющих самое непосредственное отношение и к сегодняшней России, указал А. Липхарт, пришедший к выводу, что "быстрая интенсификация горизонтальных контактов создает предпосылки для межэтнических трений" [9]. Это как раз то, что переживала Россия в период распада Советского Союза. Резкие перемены, произошедшие со страной, усугубили ее региональную контрастность. Любые попытки центрального правительства как-то решить эту проблему воспринимались и, к сожалению, продолжают восприниматься в категориях "игры с нулевой суммой" (помощь одним регионам фактически наносит косвенный ущерб другим).

Прогресс, достигнутый за последние несколько десятилетий в сфере массовых коммуникаций, также повлиял на проявления регионализма. Региональные политические элиты могут достаточно быстро и интенсивно взаимодействовать с международными инстанциями, в то время как обыкновенные граждане имеют возможность постоянно сравнивать свой образ жизни с теми странами, которые для них являются примером. Кроме того, не будем сбрасывать со счетов и значимость так называемого демонстрационного эффекта, показываемого соседней территорией и распространяющегося по принципу "снежного кома".

Проблема изучения регионализма и федерализма в России, соответствия (или несоответствия) этих сложных и многомерных процессов ценностям, исповедуемым "открытым обществом", исключительно важна. Но помимо доктринальных или идеологических представлений существуют еще императивы эффективности, оказывающие решающее воздействие на те формы, которые приобретает регионализм в той или иной стране. Нельзя однозначно утверждать, что существует линейная и

перманентная зависимость между регионализацией и становлением гражданского общества у нас. Опасности, проистекающие из регионализации в ее настоящем виде, достаточно существенны: это и "пространственная сегрегация капитала" [10], и усиление неравномерности экономического развития гигантской страны, где экономическое неравенство всегда было глубже, чем в Европе, и трансформация идеи рационального использования местных ресурсов ("региональный хозрасчет") в идею политического суверенитета, окрашенную в националистические тона [11].

Эти противоречия, естественно, впервые появились не на российской почве и не теперь. Обращение к мировому опыту решения проблем децентрализации власти может дать много полезных и интересных аналогий. Допустим, в Англии в 1950-60-е годы развернулась критика регионального устройства на тех основаниях, что маленькие размеры округов не позволяют сосредоточить в них существенные ресурсы; распределение ответственности и полномочий между графствами и округами чревато путаницей и конфликтами; в местных выборах избиратели апатичны; наличествует несоответствие формальных границ между территориальными единицами реальным процессам (экономическим, социальным, культурным) [12]. В США тоже нередко подвергались резкой критике попытки под лозунгами "прав штатов", унаследованных еще с революционных времен, ослабить федеральное правительство. Кое-кто среди американских "пионеров суверенизации" требовал права непосредственно (минуя Конгресс) вносить поправки в Конституцию, настаивал на создании судебного органа из представителей мест с полномочиями отменять решения Верховного Суда в области региональной политики. Не раз высказывалась озабоченность тем, что в Америке существуют параллельно друг другу громадное число "слуг народа", облеченных той или иной властью; помимо федерального правительства есть штаты, графства, муниципалитеты, школьные и "особые округа". В плане процедуры принятия решений эта ситуация подобна "джунглям", которым не хватает "консолидации". А исправлению положения активно противостоят "политцентристы". Поэтому любые намерения реформировать систему местного и регионального управления становились предметом длительной полемики, от чего перемены были медленными и постепенными.

Федерализм, будучи политико-юридической формой регионализма, представляет собой компромисс между центробежными и центростремительными тенденциями, которые неизбежно присутствуют в обществе. Как и любой компромисс, он не должен иметь раз и навсегда заданной, окончательной формы. Регионализация и федерализация принимают конкретные очертания, свойственные данному обществу. Никаких универсальных моделей тут нет. К примеру, и в федеративных США, и в формально унитарных Нидерландах или Швеции существуют относительно широкие полномочия местных органов (на уровне городов и муниципалитетов). В то же время практика свидетельствует, что ни в одной из демократических стран (Великобритания, Дания, Швеция, Италия, Франция, Канада, ФРГ) не было реального движения в сторону урезания или сокращения прав провинций или субъектов федерации. Наоборот, замечается постепенное их расширение [13]. Специалисты отмечают, что в странах с сильным "этническим фактором" (Бельгия) процесс децентрализации управления всегда гораздо сложнее с политической точки зрения и поэтому затягивается на долгие десятилетия. Соображения рациональности и действенности уступают соображениям "политической корректности" [14].

Региональная этническая идентичность

В политическом аспекте она трактуется с различных позиций, кои можно свести к двум самым распространенным тезисам: а) этнокультурное многообразие само по себе чаще всего оказывается препятствием для политической интеграции общества, представляя потенциальную угрозу стабильности общественного порядка [15]; б) для мирного сосуществования различных этнокультурных групп в рамках федеративного

государства нужна особая политическая культура, базирующаяся на толерантности и плюрализме (положительный пример - Швейцария, отрицательный - Югославия) [16].

Научная литература содержит несколько трактовок этнической идентичности. Согласно первой версии ("примордиалистской") этничность - исконный атрибут человеческих сообществ и в этом смысле консервативна, ее психология может быть направлена против всякой модернизации. В соответствии со второй ("инструментальной") этническая идентичность определяется экономическими, политическими и коммуникационными процессами. В таком контексте использование тех или иных атрибутов этничности (в частности, языка) рассматривается не как самодовлеющий фактор, а как следствие определенной парадигмы общественного развития. Наконец, третья ("конструктивистская") версия исходит из того, что человеческие сообщества сами формируют ту среду, которая наиболее адекватна их общим интересам, сами рациональным образом избирают культурную парадигму, делающую членство в этнической или социальной группе не просто приемлемым, но и выгодным [17]. Этот подход акцентирует внимание на рациональных началах жизнедеятельности этнических групп.

Проблема состоит в том, что этническое разнообразие при определенных условиях чревато угрозой для государственной целостности. Б. Харфф и Т. Гурр справедливо полагают, что "основным показателем возникновения этнополитического конфликта является сплочение этнической группы, бросающей вызов другим, и сила и единство руководства ею". Степень ее идентичности зависит от таких параметров, как владение общим языком, количество людей с единым вероисповеданием, расовые признаки и общая история по крайней мере столетнего периода [18].

В научных и политических кругах распространена путаница в использовании терминов "нация" и "этнос", которые иногда отождествляются друг с другом. А конституционное установление о "многонациональности" Российского государства фактически подразумевает существование как бы общефедеральной нации и наций меньшего масштаба, имеющих разные статусы. Такое положение вещей бесспорным не назовешь, потому что этнос, считаем, становится нацией только при условии создания собственных политических институтов власти. К тому же, вольное оперирование терминами приводит к искажению сути явлений, которые они обозначают. Скажем, то, что часто называется "межнациональными конфликтами", в действительности представляет собой борьбу этнических элит с центральным правительством за повышение собственного статуса посредством суверенизации того или иного этноса.

Для российских регионов характерны два типа этнокультурной идентичности. Один из них назван "шотландским". Для него свойственна частичная культурно-языковая ассимиляция меньшинства более крупным народом при сохранении национального своеобразия (карелы, мордва, удмурты, коми). "Баскскому" же типу присуще значительное дистанцирование (в том числе и религиозное) от доминирующего народа (татары, башкиры, чеченцы, тувинцы). Такой тип усиливает автономистские тенденции и стимулирует культурное разделение труда [19]. Наша этнически разнородная федерация создает условия для развития внутренней асимметрии, которая предопределяется, во-первых, политическими обстоятельствами (уступки со стороны центра отдельным республикам), во-вторых, структурной дифференциацией между регионами, в-третьих, осуществляемой центром стратегией по привлечению к сотрудничеству наиболее лояльных региональных элит [20].

Анализируя состояние российского федерализма, следует говорить не только об этнокультурной, но и о политической региональной идентичности. Действительно, большинство субъектов РФ имеют свои четко выраженные политические особенности. Характеризуя их, некоторые американские политологи размышляют о "региональных политических режимах". Так, Б. Митччек (Аризонский университет) выделяет, с одной стороны, "режимы сохранения", главная функция которых состоит в обеспечении защиты людей от экономических и политических кризисов, а с другой -

финансово-брокерские режимы", ставящие целью экономические реформы и развитие предпринимательства.

С проблемой региональных идентичностей в России прямо связан поиск региональной идеологии власти. Идеологические доктрины на местах формировались как системы определенных приоритетов, иерархии социальных ценностей и оценочных политических стереотипов. Складывающаяся в регионах идеология "как бы компенсировала жесткую и несправедливую социальную дифференциацию населения символами и заклинаниями относительно общественной солидарности и территориального сожительства". Вместе с тем она "воплощала и воспроизводила в приличных и апробированных социальных образах сугубо материальные и прагматические политические цели административной элиты" [21].

Можно выделить несколько вариантов российской региональной идеологии. Первый ориентирует на противопоставление интересов того или иного региона и федерального центра. "Противостояние с Москвой" по финансово-экономическим и политическим вопросам стало, например, сквозной темой регионального политического дискурса в Нижнем Новгороде. Второй вариант усматривается в тех республиках, где преобладают этнонациональные идеологические мотивы. "Менталитет этнонационалиста включает установку на исторический реванш, даже если речь идет о реалиях, удаленных не на одну сотню лет. Он видит мир сквозь призму интересов общего - своего этноса, выталкивая из поля зрения едва ли не все, что связано с единичным - естественными правами личности" [22]. Отсутствие последовательной и компетентной национальной политики в стране способствует становлению примитивных форм асимметричного регионализма и укреплению этнонационалистических тенденций, которые могут иметь необратимый характер. Первую скрипку здесь играет, без сомнения, Татария. Именно в этой республике сформировался своего рода "теневой институт" ("Конгресс татар"), претендующий на выработку национальной идеологической концепции для всей республики. Ее конкретные проявления весьма широки - от предложений о вступлении Татарии в НАТО до войны с центром за сохранение в паспортах графы о национальной принадлежности [23]. Посему очень важно проводить различие между этническими и региональными интересами, не подменяя одни другими. Третий вариант ощущается в регионах, чувствительных к проблеме территориальной незащищенности. В данной ситуации идентичность политического сообщества выходит на передний план. Не случайно державный синдром приморского губернатора Е. Наздратенко подпитывается ссылками на растущую угрозу китаизации российского Дальнего Востока, националистические же речи краснодарского губернатора Н. Кондратенко объясняются близостью этого региона к "горячим точкам" с их очагами этнических конфликтов [24]. Словом, культурные и политические аспекты региональной идентичности, без сомнения, связаны друг с другом, однако эта связь не является прямой и очевидной. Интересно, что исследователь из Принстона К. Стонер-Вайсс, изучившая ряд российских регионов (Саратов, Ярославль, Тюмень и Нижний Новгород), не смогла выявить однозначной зависимости между склонностью к реформаторству региональной политической элиты и "гражданской культурой" самого населения [25].

Регионализм, сепаратизм и аномалии федеративного развития

Вопрос о типологии и формах проявления современного сепаратизма активно обсуждается зарубежными экспертами, исследующими регионализм, федерализм и особенности горизонтального распределения властных полномочий. Руководствуясь критериями теорий "конфликтов малой и средней интенсивности", "суррогатных войн", они указывают на деструктивный сепаратистский потенциал как один из источников существующей и грядущей нестабильности в мире на рубеже XX и XXI вв.

Обобщая получившие известность оценки, сформулируем типичные варианты децентрализации власти:

- регионы, обладающие чувством "региональной идентичности", но не склонные решать самостоятельно свои проблемы (в силу ограниченности ресурсов, слабой структурированности политических элит, сильной привязки к центру) и применяющие стратегию "аккомодации", или "коммунализма", другими словами - вращаясь в политическую среду широкого социального и государственного организма на правах одного из его компонентов;

- регионы, предъявляющие требования культурной автономии (язык, религия, сохранение местных этнических традиций);

- регионы с артикуляцией экономических интересов (тарифы, инфраструктура, торговля, налоги, возможность прямого выхода на внешний рынок);

- регионы, выдвигающие политические лозунги, направленные на изменение сложившейся системы распределения компетенций и прерогатив;

- регионы, отстаивающие одну из двух разновидностей - сецессию, т.е. выделение региона из состава государства или ирредентизм, т.е. обособление на основе объединения в рамках определенной территории всех членов некоей этноязыковой группы.

Сепаратизм способен протекать как в мирной форме (распад СССР или ЧССР, ранее - образование Норвегии), так и с применением насилия (Югославия). Наиболее распространенными причинами сепаратизма в наши дни предстают:

- этнорелигиозное многообразие государства (Кипр, Ливан);

- неравномерное экономическое развитие - как отсталых (Чечня), так и продвинутых регионов (Словения, Каталония, Фландрия, Квебек);

- защита определенных политических ценностей (Тайвань);

- стремление к повышению использования имеющихся ресурсов (Чехия, Словения);

- желание и возможность исправить старые несправедливости (Эритрея, страны Балтии);

- намерение облегчить последующее объединение с другим государством или вхождение в международные организации (Молдова);

- сохранение культурных и национальных ценностей (Абхазия, север и юг Судана, Страна басков, Приднестровье, восточные области Украины, Трансильвания);

- раздел сфер политико-экономического влияния, что приводит к относительной легкости отыскания внешнего "протектора" или альтернативного центра геополитического притяжения (ориентация Чечни и Боснии на мусульманский мир, Хорватии - на Германию и Евросоюз, Сербии - на Россию, Квебека и Валлонии - на Францию);

- неэффективность международных механизмов по предотвращению сецессий, гражданских войн и сохранению территориальной целостности государств.

Примечательно, что ряд исследователей подчеркивает отсутствие прямой обусловленности высокой активности потенциальных сепаратистов уровнем их дискриминации (словенцы в СФРЮ, армяне или прибалтийцы в бывшем СССР не относились к отсталым или дискриминируемым народам, но при первой же возможности встали на путь независимости).

В числе действенных носителей сепаратистских идей обычно выступают:

- этнонационалисты, объединенные в крупные и хорошо структурированные социальные группы (квебекцы, хорваты, словаки);

- воинствующие группировки (дудаевские и последудавские формирования в Чечне, Ирландская республиканская армия, баскские террористы, тамилы в Шри-Ланке);

- неудачливые участники распавшихся многоэтнических коалиций (марониты в Ливане, креолы в Сьерра-Леоне, тутси в Бурунди).

По убеждению экспертов, решение подобных конфликтов дроблением существующих государств являет собой тупиковый путь, поскольку влечет растущую неста-

бильность. Вот почему система всемирных отношений нуждается, на их взгляд, в усовершенствовании с тем, чтобы вобрать в себя и те народы, которые не имеют своей государственности, помочь им получить признание в качестве субъектов международного права, что отчасти снимет остроту проблемы территориальных изменений.

Сложно ожидать, что какая-то научная школа в настоящее время готова предложить комплексное видение того, к чему приведет эрозия традиционных принципов федерализма и как будут конкретно выглядеть так называемые переходные формы. Но крайне важно серьезно отнестись к фактору "сжимающегося пространства" для государственных суверенитетов в меняющемся мире. В теоретическом арсенале ученых уже появились два взаимно сопряженных понятия - "фрагментация" и "локализация", отражающие необычайно противоречивый характер современных политических процессов, подчас сочетающих в себе разнонаправленные векторы перемен [26]. Сегодня под вопрос ставятся не только размеры существующих политических образований и даже не демаркация границ между ними. Мы наблюдаем рождение более сложного и разнообразного, но одновременно и более унифицированного мирового порядка по сравнению с простой системой суверенных стран. Одна из важнейших сложностей при этом состоит в том, что нерегулируемые проявления этнорегионализма чреваты кровопролитием, поскольку проблема сохранения государственной территориальной целостности все чаще решается путем насилия. Это тот "сценарий", которого Россия должна стараться избегать в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Harvie C.* The Rise of Regional Europe. London and New York: Routledge, 1994. P. 45-46.
2. См.: *Макарычев А.С.* Влияние зарубежных концепций на развитие российского регионализма: возможности и пределы заимствования // Сравнительный регионализм: Россия - СНГ - Запад". Нижегородский государственный университет, 1997.
3. См.: *de Swaan A.* Rational Choice as Process. The Uses of Formal Theory for Historical Sociology // The Netherland's Journal of Social Sciences. Vol. 32, n 1, November 1996.
4. См.: *Nichols T.M.* Russian Democracy and Social Capital // Social Science Information. Vol. 35, n 4, December 1996. SAGE Publications. P. 631.
5. См.: *Bergslen C.F.* Open Regionalism. Institute for International Economics, Working Paper 97-3.
6. См.: *Delbruck J.* Global Migration - Immigration - Multiethnicity Challenges to the Concept of the Nation-State // Indiana Journal of Global Legal Studies. Vol. 2, issue 1, fall 1994. P. 8.
7. См.: *Gerner K., Nystrom K.* Nationist Challenges to State Integrity // Restructuring Eastern Europe. Towards a New European Order. Ed. by R.J. Hill and J. Zielonka. International Library of Studies in Communism, Edward Elgar, 1990: Ethnic Minorities. Netherlands Scientific Council for Government Policy. Report to the Government, n 17, 1979.
8. См.: *Hechter M.* The Persistence of Regionalism in the British Isles // American Journal of Sociology. Vol. 79, n 2, September 1973. P. 319-321.
9. *Lijphart A.* Political Theories and the Explanation of Ethnic Conflict in the Western Worlds Falsified Predictions and Plausible Postdictions. In: Ethnic Conflict in the Western World. Ed. by Milton J. Esman. Cornell University Press, Ithaca and London, 1977.
10. См.: *Anobolevskiy S.* Regional Policy in Europe. Regional Policy and Development Series 11. Regional Studies Association, London, 1997. P. 144-145.
11. См.: *Anobolevskiy S.S.* The Capability of the State to Solve Regional Problems // Geoforum Vol 21 n4 1990 Pp. 449-454.
12. См.: *Sheldrake J.* English Local Government in Decline? // The Promise of Liberalism. A Comparative Analysis of Consensus Politics. Edited by Mike Mills and Fraser King. Dartmouth, 1995. P. 74.
13. См.: *Eldersveld S., Stromberg L., Derben W.* Local Elites in Western Democracies. A Comparative Analysis of Urban Political Leadership in the United States, Sweden, and the Netherlands. Westview Press, 1995.
14. См.: Local Government Reform and Reorganization. An International Perspective. Ed. by Arthur B. Gunlick. National University Publications, Kennikat Press, 1981.
15. См.: *Burg S.L., Berbaum M.M.* Community, Intergation, and Stability in Multinational Yugoslavia American Political Science Review, June 1989. Vol. 83, n 2. P. 536-537

16. См.: *Elazar D.* International and Comparative Federalism // Political Science and Politics June 1993 Vol. XXVI n 2. P. 190-195.
17. См.: *Robertson L.R.* Ethnic Politics in the Russian Republics: Ethnic Revivals and Language Policies. Prepared for the Regional Russia Workshop, the Kehl an Institute, Woodrow Wilson Center meeting, Washington DC January 22-24, 1998.
18. *Харфф Б., Гурр Т.* Подходы к анализу этнополитической мобилизации и конфликта // Социальные конфликты: Экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. 1997. С. 16-17.
19. См.: *Перепелкин Л.С.* Истоки межэтнического конфликта в Татарии // Мир России Том 1 №1 1992. С. 93-94.
20. См.: *Sotnick S.L.* Measuring Center - Periphery Dynamics in the Russian Federation: Preliminary Findings of a 1995-96 Study. Prepared for the Kehl an Institute Russian Regional Workshop, January 1998.
21. *Барзилов С.И.* Концептуализация региональной идеологии власти // Наука, культура, высшее образование на пороге XXI века. Выпуск 4. Ульяновск, 1998. С. 5.
22. *Бажанов В.А.* О феномене этнонационализма. Может ли Татария быть катализатором общероссийских тенденций? // Наука, культура, высшее образование на пороге XXI века. Выпуск 4. Ульяновск 1998 С. 29.
23. См.: *Зазнаев Олег.* Динамика политического процесса в Республике Татарстан (1997 г. - начало 1998 г.) // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1998. № 1. С. 81 -82.
24. См.: *Магомедов А.К.* Дилеммы политического развития Кубани и региональная "реставрация" губернатора Николая Кондратенко // Наука, культура, высшее образование на пороге XXI века. Выпуск 4. Ульяновск. 1998. С. 23.
25. См.: *Sloner-Weiss K.* Local Heroes. The Political Economy of Russian Regional Governance. Princeton University Press. Princeton, New Jersey, 1997. P. 151-168.
25. См.: *Smart B.* Postmodernity. Key Idea. Routledge, 1993.